

ФИЛОСОФИЯ*(специальность: 09.00.11)*

УДК 101

К.Г. Мальцев, А.Л. Алавердян*Белгородский государственный**технологический университет имени В.Г. Шухова**г. Белгород, Россия*

pavic69@mail.ru; arti-medwd@mail.ru

**«ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАЦИЯ» И «СЕТЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ»:
ИССЛЕДОВАНИЕ НЕОБХОДИМОСТИ,
ПРОТИВОРЕЧИЙ И ПЕРСПЕКТИВЫ*****[Konstantin G. Maltsev, Artem L. Alaverdyan*****«Political nation» and «network organization»:****studying the needs, contradictions and prospects]**

The use of network theory for the analysis and presentation of political phenomena has a number of limitations due to the presentation of modernity in the liberal version of the economic paradigm (J. Agamben's term), the foundations of which are of a normative nature. A political nation as a civic association, the main function of which is a symbolic representation of the unity of a «divided in itself» people (H. Arendt, J. Agamben), a reference to which is obligatory for the legitimization of the political order, must be presented as a categorical identity. Its structure presupposes the inclusion and assimilation of «elements»: «ethnic groups», «diasporas» as socio-cultural communities, in relation to which network analysis solves a normative problem following from the liberal view of the individual as an «indecomposable locus of reality» (Calhoun): «purification» from the «remnants of substantiality», that is, «naturalness».

Key words: political nation, civic association, network theory, categorical identity, economic paradigm of the political, representation, ethnic group.

В последние годы «сетевая теория» приобретает все большую популярность: социальные общности, представленные как «сети», обнаруживают ряд свойств, невыявляемых посредством других, более привычных и традиционных инструментов социального познания, которые позволяют с большей вероятностью и точностью описывать «социальное поведение» и, с точки зрения *научного познания* – это едва ли не главный аргумент, дают возможность *прогнозировать* «будущее» не только посредством *экстраполяции* налично

данного, но и то *новое*, что еще только *может появиться*: возможность, по М. Веберу, *абсолютно исключенная* для *научного* социального познания (в этом смысле Вебер признавался в «нелюбви» к использованию слова «тенденция», полагая *неопределимым* то, что оно обычно обозначает). Дело в самой *размерности* того, чем является *сеть*: в некотором отношении *логическое следование* здесь *совпадает* с «порядком вещей», и потому может быть *представлено дискурсивно*, – такая возможность, давно изыскиваемая научным познанием, не может быть упущена, и применение сетевого анализа расширяется на новые области социальной действительности. Традиционно нация представляется как *категориальная общность*; однако уже конструктивистский подход (например, у Р. Брубейкера [9]) в числе первых необходимых «модернизаций» настаивает именно на отказе от подобного представления; Гелнер [11], рассуждая об эмигрантах и конкуренции их с «местной рабочей силой» представляет «эмигрантское сообщество» именно как сеть, хотя и не использует само это позже появившееся слово (мы пока не говорим о *понятии*: об этом позже); Б. Як [30] в недавней работе, представляя нацию как «моральное сообщество», также обнаруживает в нем элементы «сетевой организации», – приведенных примеров достаточно для того, чтобы *поставить вопрос* о возможности и границах представления нации и национальных/этнических групп как сообществ с элементами «сетевой организации».

Следует подчеркнуть, что сетевой анализ *как метод исследования* следует отличать от *действительных сетей*: веберовская, неокантианская в своей основе, методология требует *отдавать отчет* в том, что *понятия* не *отражают*, но *имеют силу* в отношении к *действительности*, будучи примененными для ее познания. В этом отношении сразу оговоримся: между утверждением, что «сетевой анализ» плодотворен для исследования нации – и утверждением, что нация *есть* сеть (даже «отчасти» и в «некотором отношении»), должно *удерживаться* различие, которое *существенно*. Стоит задача выяснить, удерживая названное различие, во-первых, что именно *существенное* может быть выявлено при применении «сетевого анализа» к познанию нации/этнических групп, и, во-вторых, каким именно группам может быть *обосновано приписана* «сетевая организация». Объект исследования *тематизируется* нами в предмет преимущественно в *одном аспекте*: познавательный интерес акцентируется на *причинах*, по которым применение «сете-

вого анализа» к нациям *полагается* исследователями *определенного направления* не только плодотворным и желательным, но даже необходимым. Таким образом, предмет нашего познавательного интереса определяется *поверх* дисциплинарных границ «эмпирических наук» как относящийся к области *методологии* – и предполагает *философское истолкование*.

Сеть и «сетевой анализ»: нацеленность, возможности и границы

Сразу оговоримся: нас интересует только область социального познания и специально – познания *политических феноменов*: нация как социальная группа в либеральном общественном сознании (господствующем в настоящее время) *представляется* как *политическая нация – гражданская ассоциация*, принадлежность к которой определяется через *свободный и сознательный* выбор автономного индивида, руководствующегося *своим интересом*; *гражданская лояльность* обусловлена, таким образом, способностью: политического порядка обеспечить *баланс интересов*; власти – *управлять интересами* посредством *серии компромиссов*, – в *перспективе* либеральных *ценностей*, которым приписывается *абсолютное* (то есть – *разумное*) значение. Таким образом, *задача, направление, и выводы* – то есть *границы* для « сетевого анализа », *определены заранее*: необходимость его применения есть « производная » от его способности *обеспечивать* реальность и непротиворечивость *либерального представления* нации в экономической парадигме (термин Дж. Агамбена [2]), – в случаях, где это *получается*, объектам *приписываются* свойства сети, в остальных – делается вывод, что *действительной* сетью такой объект *не является*. Собственно говоря, такой «ограничитель» поставлен *парадигмой* для любого *метода*; гуссерлевский лозунг «назад к вещам», подхваченный социологией [24], *означает* «вторичную натурализацию», определяемую *соответствием* парадигматическому *представлению*, в котором *реальное понятия и действительность* могут *совмещаться* как «радикальное» или «мифическое» (К. Шмитт [29]) «понятие-вещь».

Б. Латур при разработке своей «акторно-сетевой теории» [18] исходил из представления, что мир это «не твердый континент фактов, куда вкраплено несколько озер неопределенности, а широкий океан неопределенностей, где пестреют несколько островов градуированных и стабилизированных форм» [13, с. 337]; традиционная для западной философии «субъект-объектная схема», в которой активность безраздельно приписывается субъекту, предпо-

лагает, что именно субъект «вносит определенность»: его задача как раз заключается в том, чтобы, в том числе посредством познания, *обеспечить действительность* названных «островов градуированных и стабилизированных форм». Для социального познания сложность заключается в том, что методологическое требование «пассивности объекта» едва выполнимо: по словам Бодрийяра, объект вдруг может «начать себя вести» [8]; Хайдеггер утверждал, что «произвольные толкования» в социально-гуманитарном познании связано с тем, что его объекты «не оказывают сопротивления» познанию [25, с. 316]. Второе обстоятельство, отмечаемое Латуром, относится именно к социальному, которое, по его утверждению, не есть «особенная природа» или «сила», которая может действовать «инерционно», но способ связи: «Социальное не находится ни в каком конкретном месте как вещь среди других вещей, – но оно может циркулировать повсюду как движение, связывающее не-социальные вещи» [14, с. 151]; «социальное» служит обозначением для того, что «не является ни актором, наряду со многими другими, ни силой, скрытой за всеми акторами и переносимой некоторыми из них» [14, с. 152], а представляет собой «связь, транспортирующую, так сказать, трансформации» [14, с. 152], и называет это *переводом*; сеть же определяется им как «то, что прослеживается посредством таких переводов в исследовательских описаниях» [14, с. 152].

В этой перспективе утрачивает значение различие между «естественными» и «социальными» действующими лицами, которых следует не различать, но, напротив, представлять «симметрично»; суть, таким образом, заключается в том, чтобы, последовательно применяя симметричную трактовку природы и общества, в этой перспективе удерживать различие между «базовыми социальными способностями и не-социальными средствами, мобилизуемыми для того, чтобы сделать их чуть более продолжительными» [14, с. 95]; продолжительность социальных связей обеспечена именно такими средствами. Для акторно-сетевой теории, которую разрабатывает Латур, социальное обозначает «не какую-то сферу реальности или отдельный элемент, а некое движение, перемещение, трансформацию, перевод, занесение в список. Это ассоциация, возникающая между сущностями, которые никак нельзя признать социальными в обычном смысле, разве что в краткий миг их перегруппировки... Таким образом, для АСТ «социальное» – это название типа преходящей (кратковременной) ассоциации, характеризующейся тем способом, каким она собирается в новые формы» [14, с. 92].

Причинно-следственные связи, традиционно являющиеся целью выявления социальным познанием («каузальные ряды»), заменяются/опосредуются тем, что Латур называет «посредником»; акторно-сетевая теория изображает мир «состоящим из цепочек посредников, и о каждом звене можно сказать, что оно полностью действует» [14, с. 86]. Традиционная социология оперирует тремя модусами включения участников действий в социальные отношения: во-первых, как «материальная инфраструктура», «детерминирующая» социальные отношения (марксистские типы материализма); во-вторых, «зеркала», просто «отражающего» социальные различия, – как в критической социологии Пьера Бурдьё» [14, с. 119]; в-третьих, «задника сцены, на которой человеческие социальные акторы играют главные роли, – как в интеракционизме Ирвина Гоффмана» [14, с. 120]. Все они правомерны, но оцениваются Латуром как «только примитивные способы упаковки узла связей, образующих коллектив. Ни одного из этих способов недостаточно для описания множественных переплетений человеческих и не-человеческих акторов» [14, с. 120]. Обыденный опыт существования в социальном мире «состоит в том, что нас одновременно настигают сразу несколько возможных и противоречащих друг другу призывов объединиться в группы» [14, с. 43]; группы не есть нечто данное, «социальные агрегаты являются объектом не остенсивного определения (вроде кружек, кошек и стульев, на которые можно указать пальцем), а перформативного. Они создаются теми различными путями и способами, которыми заявляют об их существовании» [14, с. 52]. Латур исходит из идеи, что «что мы не знаем, какие социальные группы существуют, и что эти группы не знают, чего они хотят. Тем не менее, такое неведение не означает, что действующие лица не будут постоянно проводить границы, навязывать интересы, ставить цели другим и определять, чего должен хотеть каждый» [13, с. 105]. Группы создаются, активности выясняются, объекты играют роль [14, с. 123]. Важная особенность акторно-сетевой теории заключается, по утверждению Латура, в том, чтобы признавать большую «подвижность границ», то есть постоянное реформативное изменение имеющихся идентичностей и образование новых (наряду с исчезновением старых) [14, с. 43].

Таким образом, *методологических препятствий* для применения «сетевого анализа» к нациям *нет*; следует только учитывать, что *политические группы*, созданные для репрезентации и потому предполагающие *наглядность* и

для мобилизации на определенные действия, более устойчивы («символические») и не могут переформатироваться «произвольно»; «сама «конструкция политического тела предполагала его виртуальность, всеобщность и повсеместное присутствие в уже готовом виде. В этом нет ничего неправильного, поскольку ему приходилось решать неразрешимую проблему политического представления, растворяя многих в одном и заставляя одного подчиняться многим. Только политическое действие способно благодаря непрерывному круговому движению очерчивать эту виртуальную всеобщую сборку, постоянно находящуюся под угрозой полного исчезновения» [14, с. 227].

Для того, чтобы определить границы, полагаемые природой «политического» применению сетевого анализа к его «феноменам», обратимся к исследованию этого вопроса Ф.Р. Анкерсмитом. В глобальном мировом порядке, необходимость становления которого *действительностью* обусловлена (помимо указания на «действующие причины», приводимые «позитивными науками») *представлением в экономической парадигме политического* [17], глобальное управление, то есть *политика* (представление политики как *управления*, в свою очередь, есть *следствие* из основоположений «либеральной метафизики»; помимо К. Шмитта [28] на это обратил внимание и М. Вебер [10], который утверждал, что при определенных условиях, управление государством *не отличается* от управления «крупным предприятием», – эти условия называются *современностью*, по Хайдеггеру [26, с. 50]) принимает *сетевую форму*. Сети эффективны на микроуровне и в отдельных локальностях, считает Анкерсмит; недостатки сетевой организации очевидны и являются во многом продолжением достоинств: «Мир сети – это мир, полностью замкнутый на себе: сети интересуются исключительно своим собственным (оптимальным) функционированием, но не своими отношениями с другими сетями или вообще чем-либо происходящим за пределами самих себя. Сеть по сути «солиптическая», она остается необъяснимо слепой по отношению своему окружению» [5, с. 228]. Необходимо политическое вмешательство, чтобы подчинить сеть решению не касающихся ее непосредственно проблем. Сеть, как мы сказали, «замкнута»; «суперсети, объединяющей в себе все сети, не существует» [5, с. 238]; необходим политический центр, «гармонизирующий и включающий в себя социальные реальности, создаваемые сетями» [5, с. 239].

Наконец, самое главное: «У нас нет априорной уверенности, что сети станут любезно взаимодействовать друг с другом ради достижения общего блага» [5, с. 239], а общее благо, как бы оно ни понималось (в либерализме, везде ищущем «баланса и равновесия» (К. Шмитт [28]), общее благо представляется через баланс интересов и достигается в *политическом компромиссе*, то есть принципиально выходят «за рамки» *управления*, возможного в сети) есть *цель политики*. И еще природа сети уязвима, «стоит решительной силе заявить о себе в некоторой точке деликатной текстуры сети, и текстура немедленно рвется на части» [5, с. 228], цитирует Анкерсмит Д. Гуэнно (именно на его работу ссылается Анкерсмит в своем анализе сетей); гарантии прочности (или, вернее, единственный способ предотвратить разрыв) могут быть тоже только *политическими*, то есть требуют *решения* (то, что решение принципиально исключается либеральным принципом «верховенства права», которое как раз означает абсолютное исключение суверенного решения, есть особая тема; здесь уместно вспомнить полемику К. Шмитта и Г. Кельзена [27], выходящую за рамки рассмотрения вопроса о правоприменении – в область политической онто-теологии).

Итак: «сетевой анализ» *принципиально* применим в исследовании нации/национальных сообществ как социальных групп, – представление нации как сети *недопустимо*, так как нация мыслится как «форма политического единства» [3] суверенного народа (что, вопреки мнению Анкерсмита, не является обязательным для *глобального порядка*; но обязательной остается *демократическая представительная форма*, которая демонстрирует *лояльность* к такому порядку), то есть требует постоянства/устойчивости и к ней (нации, пусть как «всемирной»; государство-нация, больше не *суверенное* [20; 21], рассматривается как *посредник*, необходимый до тех пор, пока не найдена «демократическая форма» глобальному порядку) и ее *репрезентированности* («символическому единству», «прочности») по существу относятся *легитимация власти*, политическая *ответственность* как связь между *управлением* и «принятием ответственности» за его *результат*.

Следующим шагом в исследовании является постановка вопроса о том, *с какой целью* может применяться «сетевой анализ» в исследовании нации, то есть: какие *требования* к представлению нации либеральной идеологии он *удовлетворяет лучше*, нежели традиционный подход считать нацию «категориальным единством».

Сетевой анализ в представлении нации и «национальных групп»

Применение сетевого анализа позволяет решить одну существенную для либерального представления нации как гражданской ассоциации задачу: *снять остатки субстанциальности*, которые все еще мешают осуществлению *политического проекта* гражданской нации, *в пределе* – «всемирной гражданской нации» (по Л. Гринфельд [12]). Усилия конструктивизма в этом направлении являются *наглядными* при анализе «критической теории национальной идентичности» Р. Брубейкера [9]. Именно эта цель: представить нацию как результат *выбора автономного индивида*, который мыслится как «неразложимый локус реальности» (либеральное *основоположение* индивидуализма, то есть – не *только* «методологический принцип»), – *оправдывает* применение «сетевого анализа», позволяет представить нацию в перспективе идеи Брубейкера о «групповости без групп», то есть максимально радикализировать критику примордиализма, но *не ведет к представлению* нации как сети.

Следует отметить, что *предпосылкой* здесь выступает *общее согласие* в западном общественном сознании относительно того, как *следует представлять* нацию и этнос: как *социальные группы*, в которых нет ничего *естественного*. И. Валлерстайн [7] на этот счет предложил краткие и исчерпывающие формулировки: «Многообразные «сообщества», к которым мы все принадлежим, чьих «ценностей» придерживаемся, по отношению к которым подтверждаем нашу «лояльность»; «сообщества», определяющие нашу «социальную идентичность» – все они как один суть исторические конструкты» [7, с. 263]; такие конструкты находятся в постоянной реконструкции; эти «лояльности, идентичности никогда не являются изначальными, так что любое историческое описание их структуры или их развития через века необходимо оказываются первичным образом определенными идеологией настоящего времени» [7, с. 263]. При этом, отмечает Валлерстайн, «категории, различающие социальные слои или социальные группы и применяемые в научном обиходе, многочисленны, зачастую пересекаются и остаются неясными. Мы сталкиваемся с такими терминами, как класс, каста, национальность, гражданство, этническая группа, племя, религия, партия, поколение, разряд и раса. Не существует никаких строгих дефиниций – скорее наоборот. Лишь немногие авторы пытаются хотя бы соотнести эти термины между собою» [7, с. 221]. Однако минимальное общее согласие относительно соотношения «расы», «нации» и «этнично-

сти» достигнуто: под «расой» можно разуметь «генетически непрерывную группу», под «нацией» – «историческую социально-политическую группу», под «этносом» (что особенно важно в связи с нашей постановкой вопроса) – «культурную группу» [7, с. 93], – именно «социальные категории» [7, с. 93].

Непосредственной заявленной самим Брубейкером целью его радикального пересмотра «теории идентичности» с целью представить «групповость без групп» и метода «разукрупнения сообществ» является разрешение национальных конфликтов, которые в последние тридцать лет стали политической проблемой не только для стран «третьего мира» или «новой Европы», но и для самой «старой Европы» в которой, кстати, с точки зрения либерального общественнознания, такие конфликты считались невозможными: *действительность* политической нации как гражданской ассоциации *несовместима* («концептуально») с национальным конфликтом: «пересекающийся консенсус» (Дж. Ролз [31]), основанный на лояльности к «незыблемым ценностям», и достигаемый баланс интересов в серии политических компромиссов (Ф.Р. Анкерсмит [5]) полагаются *достаточными* для предотвращения любого «конфликта интересов» (а другого либеральное общественнознание не знает и не признает). Основная задача, как ее определяет Брубейкер, сводится к тому, чтобы в противоположность естественности точки зрения здравого смысла понимать нацию, этнические столкновения, этнический конфликт как группы и столкновения групп, показать, что аналитическое (научное) исследование может и должно обойтись без «групповости», «этнический конфликт – или то, что лучше было бы называть этнизированным или этнически фреймированным конфликтом – не обязательно нужно понимать как конфликт между этническими группами» [9, с. 27], что «характер понимания, интерпретации и репрезентации конфликта и насилия в значительной мере зависит от господствующих интерпретативных фреймов» [9, с. 41].

Широкое и повсеместное использование термина «этничность» является больше инструментом создания реальности (посредством интегрирования в политический, административный и т.п. дискурсы), чем способ аналитического описания [9, с. 28]; более того, многие модернистские (и тем более до-модернистские) концепции нации и национальной идентичности, которые не могут последовательно удерживать различие между аналитическим, нормативным и повседневным, «обнаруживают тенденцию к копированию ключевых атрибутов националистической идеологии, особенно аксиоматического представления

об ограниченности и однородности мнимой «нации»» [9, с. 83; 15]. Даже многие приверженцы конструктивизма, по утверждению Брубейкера, «в обычном разговоре, в политическом анализе, медийных новостях и даже во многих якобы конструктивистских академических работах повествования об этническом, расовом и национальном конфликте обычно фреймируются в группистских терминах как битвы «между» этническими группами, расами и нациями» [9, с. 25]. Итак, задача формулируется как «выработка способов анализа этничности, не требующих обращения к ограниченным группам» [9, с. 17], решение которой предполагает «приверженность к разукрупняющим способам анализа, которые, однако, не ведут к онтологическому или методологическому индивидуализму» [9, с. 18], когда «альтернативой субстанциалистской идиоме ограниченных групп выступает не идиома индивидуального выбора, а скорее реляционный, процессивный и динамический аналитический язык» [9, с. 18].

Социальный анализ должен учитывать, что «идентичность – ключевой термин в общеупотребительной идиоме современной политики» [9, с. 62], и поэтому тоже его использование как категории анализа есть плохая исследовательская стратегия, особенно если под ней понимать (а именно так и происходит) «нечто такое, что есть у всех людей, что они хотят иметь, конструируют и обсуждают» [9, с. 62]: «Концептуальное осмысление всех сходств и присоединений, всех форм принадлежности, всякого опыта восприятия общности, связанности и сплоченности, всех самопониманий и самоидентификаций с помощью идиомы идентичности навязывает нам грубый, плоский, недифференцированный словарь» [9, с. 62]. Значение термина «идентичность» зависит от контекста, от теоретической традиции, в которых он употребляется, а потому для теоретического анализа «безнадёжно неясен» [9, с. 74]. Все это само по себе затрудняет аналитическое использование термина «идентичность»; однако важнейшим для Брубейкера обстоятельством является именно то, что жесткое понимание последовательно и неизбежно ведет к «эссенциалистскому пониманию» групп, образованных посредством использования понятия «идентичности»; «проблема состоит в том, что «нация», «раса» и «идентичность» употребляются в аналитических целях примерно так же, как употребляются на практике, – как скрыто или явно овеществляющие, то есть предполагающие или утверждающие, будто «нации», «расы» и «идентичности» «существуют», а люди «имеют» «национальность», «расу», «идентичность»» [9, с. 71–72].

Мы можем дальше не следовать за Брубейкером в его рассуждениях, *каким образом* следует «изменить язык», чтобы добиться желаемого «преодоления субстанциальности» (мы делаем это в другой работе [16]). Для нас важно именно то, что *оценка* существующего «положения вещей» в науке о нации, и выставляемая им цель «радикального реформирования» – практически *совпадают* с тем, что пишет Латур о «социальности» и «группах». Однако, подобное сходство (вплоть до тождества) *не означает*, что нация может быть представлена как *сеть*.

Первый упрек, который признает сам Брубейкер, в отношении к его теории сводится к тому, что *постоянное переформатирование* в процессе политики *разукрупнения* затрудняет или вовсе делает невозможным *коллективное социальное действие*. Однако, если продолжить аргументацию критиков Брубейкера, то можно выяснить более важное обстоятельство: группа «без групповости» во-первых, *не репрезентируема* (по самому своему существу) и не может выступать репрезентатом, то есть утрачивается важнейшая функция политической нации: быть «символическим единством», – политической формой народа как «источника власти», к которому апеллируют для *легитимации политического порядка*: народ остается мало что «разделенным в себе» (он в действительности всегда таков: Х. Арендт [6], Дж. Агамбен [1]), но *исключается возможность* для того, что называется «политическим народом», – концепт, необходимый для либеральной представительной демократии. Нация должна *представляться* как «символическое единство», то есть как «категориальная общность» [15]. «Внутри» нее возможны и необходимы «сетевые формы», как *ассимилированные* названным единством. Во всяком случае, Б. Як [30] в своем *моральном дискурсе нации* [19], определяя ее как сообщество, основанное на «симпатии и взаимопомощи», отсылает тем самым к «элементам сети», связывающим *непосредственно* тех, кто вступает в подобные отношения (которые могут быть только *личными*): личные отношения *опосредуются* «категориальной общностью». Здесь можно опустить подробности описания спора между сторонниками «классической» политической репрезентации, каким является К. Шмитт [28] (ему принадлежит определение основных положений этой теории) и «эстетической» политической репрезентации, теоретиком которой является Анкерсмит [5]. Суть разногласия в том, что Шмитт доказывает тезис: всякая репрезентация может быть только *личной*, а *интересы* принципиально

не репрезентируемы; напротив, Анкерсмит утверждает, что в современной представительной демократии репрезентируются именно *интересы*, обосновывая таким образом *императив*: автономный индивид в политике *представлен* через *интересы*, и любые социальные *группы* образуются на основе таких интересов; нация в этом смысле не является исключением.

Напротив, в отличие от *нации*, образующие ее и *ассимилированные* в ней *этнические группы*, также определенные через интересы («руританцы» Гелнера [11], например), могут и должны быть представлены как *сети* именно для того, чтобы «окончательно снять» «остатки» (по Парето [23]) сохраняющейся в них по факту «субстанциальности» («социологические теории нации», например, Э. Гелнера [11], или М. Манна [22] работают в этом же направлении: [4]). Здесь «сетевой анализ» является необходимым и его «результат», как мы сказали ранее, «натурализуется»: «подвижность», «неопределенность», «переформатируемость» и т.д. *групп*, входящих в *политическую нацию*, является *необходимой* – с точки зрения *представления* политической нации в либеральной экономической парадигме политического.

Сетевой анализ нацелен на решение основной (и не решенной в модернистской теории нации) задачи: она может быть определена как «снятие остатков субстанциальности» в представлении нации; с этой задачей сетевой анализ справляется лучше, чем все другие способы, испробованные ранее; в этом его *оправдание*. Методологически, «сетевой анализ» вписывается в рамки, заданные неокантианской методологией: *понятия* являются *инструментом познания* (Латур и Брубейкер, разработки которых мы использовали для *демонстрации*), не являются «отражением действительности» и не содержат, как на это указывал еще Г. Риккерт, «в себе» действительности (или ее фрагментов), но имеют в отношении нее *силу*: категоризация, переформатирование, создание «островков стабильности и определенности», – то есть все то, что на чем настаивают как Латур, так и Брубейкер. Последовательное различение «понятий» и «вещей» является *методологически необходимым*; последующая «натурализация» (или, если воспользоваться старым термином – *гипостазирование*) допустима, но уже не в границах научного познания, а как выполнение *идеологического императива*, в основе которого – *представление действительности*, для современного обществознания – в *либеральной экономической парадигме*. Полагаемая здесь граница – *соответствие* пред-

ставлению, которое предоставляет «позитивной» и дисциплинарно организованной науке ее *готовый объект* и задает *способы, направление и цель* его тематизации в предмет *объективного* научного исследования.

Представление нации в либеральной экономической парадигме как *современной политической нации*: гражданской ассоциации, образованной на основе свободного выбора автономного субъекта, руководствующегося своим интересом, – а также ее *функция* как формы политического единства народа, *символически* представляющей *политический народ* как «источник власти», к которому апеллируют в представительной демократии для *легитимации* политического порядка, – полагают *границы* «сетевому анализу» и, главное, «натурализации» его результата: представлению нации как сети. Категориальное и символическое единство нации *ассимилирует* входящие в нее «элементы»: многообразные «этнические»/«национальные» *группы*, которые сетевой анализ «очищает» от «остатков субстанциальности» и раскрывает возможность *представлять* их как *сети*. В редких случаях, определенных *политической необходимостью*, когда национальное единство признается *нежелательным*, любая нация может посредством «разукрупнения» и «перереформатирования» быть *ликвидирована*, в том случае, если «остатков субстанциальности» в ней *недостаточно для сопротивления*, – но это уже вопрос практической политики и его обсуждение выходит за рамки настоящего исследования.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Агамбен Дж. Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Европа, 2011. 256 с.
2. Агамбен Дж. Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2018. 552 с.
3. Алавердян А.Л., Мальцев К.Г. «Гражданская нация» и суверенный народ: исследование необходимости национальной формы политического единства // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2020. № 5 (114). С. 24–31.
4. Алавердян А.Л., Мальцев К.Г. Социолого-исторический дискурс нации: метод и структура // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2020. № 4 (208). С. 4–14.

5. Анкерсмит Ф.Р. Политическая репрезентация. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. 288 с.
6. Арендт Ханна. О революции. М.: Европа, 2011. 464 с.
7. Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Логос, 2004. 288 с.
8. Бодрийар Ж. Соблазн. М.: Ad Marginem, 2000. 321 с.
9. Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
10. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: В 4 т. Т. 1. Социология. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. 445 с.
11. Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 320 с.
12. Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М.: ПЕР СЭ, 2012. 528 с.
13. Латур Б. Пастер: война и мир микробов. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 316 с.
14. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
15. Ломако Л.Л., Мальцев К.Г. Категоризация, фреймирование, дискурсивная формация: к вопросу о способах интерпретации нации и национального в горизонте порядка суверенных наций-государств // Кант. 2020. № 3 (36). С. 145–156.
16. Ломако Л.Л., Мальцев К.Г. Конструктивистская парадигма в исследовании нации, национализма, этнонационального конфликта: некоторые критические замечания // Евразийский юридический журнал. 2020. № 8 (147). С. 430–434.
17. Мальцев К.Г. Понятие политического и мировой беспорядок: перспективы согласия, войны и глобального имперского порядка: монография. Кн. 1 // Глобальная перспектива и государство-нация суверенного народа в экономической парадигме политического / К.Г. Мальцев, А.Л. Алавердян, Л.Л. Ломако, А.В. Мальцева. Белгород: Изд-во БГТУ, 2020. 727 с.

18. *Мальцев К.Г., Алавердян А.Л.* Акторно-сетевая теория в исследовании нации и национализма: методологический аспект // *Kant*. 2020. № 4 (37). С. 281–291.
19. *Мальцев К.Г., Алавердян А.Л.* Моральный дискурс нации и национализма в горизонте либеральной парадигмы политического // *Гуманитарные и социальные науки*. 2020. № 6. С. 42–52.
20. *Мальцев К.Г., Ломако Л.Л.* Кризис государства-нации как проблема социально-политической философии // *Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина*. 2020. № 1. С. 55–64.
21. *Мальцев К.Г., Мальцева А.В., Ломако Л.Л.* Глобализация и вестернизация: горизонты «отождествления» и «различения» // *Социально-политические науки*. 2020. Т. 10. № 5. С. 106–114.
22. *Манн М.* Источники социальной власти: В 4 т. Т. 2. В 2 кн.: Становление классов и наций-государств, 1760–1914 годы. М.: Дело, 2018. 503–507 с.
23. *Парето В.* Компендиум по общей социологии. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2008. 511 с.
24. *Социология вещей. Сборник статей / Под ред. В. Вахштайна.* М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 392 с.
25. *Хайдеггер М.* Прологомены к истории понятия времени. Томск: Водолей, 1998. 384 с.
26. *Хайдеггер М.* Размышления XII–XV (Черные тетради 1939–1941). М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. 344 с.
27. *Шмитт К.* Государство: Право и политика. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2013. 448 с.
28. *Шмитт К.* Духовно-историческое состояние современного парламентаризма // *Шмитт К.* Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 93–170.
29. *Шмитт К.* Политическая теология // *Шмитт К.* Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 5–59.
30. *Як Б.* Национализм и моральная психология сообщества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 520 с.
31. *Rawls J.* *Political Liberalism*. New York: Columbia university press, 1996. 525 p.

R E F E R E N C E S

1. *Agamben J.* Homo sacer. Sovereign power and naked life. Moscow: Europe, 2011. 256 p.
2. *Agamben J.* Kingdom and Glory. Towards a theological genealogy of economics and management. Moscow; St. Petersburg: Gaidar Institute Publishing House; Faculty of Liberal Arts and Sciences, St. Petersburg State University, 2018. 552 p.
3. *Alaverdyan A.L., Maltsev K.G.* «Civil nation» and a sovereign people: a study of the need for a national form of political unity // Humanities and socio-economic sciences. 2020. No. 5 (114). Pp. 24–31.
4. *Alaverdyan A.L., Maltsev K.G.* Sociological-historical discourse of the nation: method and structure // News of higher educational institutions. North Caucasian region. Social Sciences, 2020. No. 4 (208). Pp. 4–14.
5. *Ankersmit F.R.* Political representation. Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 2012. 288 p.
6. *Arendt Hannah.* About the revolution. Moscow: Europe, 2011. 464 p.
7. *Balibar E., Wallerstein I.* Race, nation, class. Ambiguous identities. Moscow: Logos, 2004. 288 p.
8. *Baudrillard J.* Temptation. Moscow: Ad Marginem, 2000. 321 p.
9. *Brubaker R.* Ethnicity without groups. Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 2012. 408 p.
10. *Weber M.* Economy and society: essays on understanding sociology: In 4 volumes. T. 1. Sociology. Moscow: Ed. House of the Higher School of Economics, 2016. 445 p.
11. *Gellner E.* Nations and Nationalism. Moscow: Progress, 1991. 320 p.
12. *Grinfeld L.* Nationalism. Five paths to modernity. Moscow: PER SE, 2012. 528 p.
13. *Latour B.* Pasteur: War and the World of Microbes. St Petersburg: Publishing House of the European University in Saint Petersburg, 2015. 316 p.
14. *Latour B.* Reassembling the social: an introduction to the actor-network theory. Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 2014. 384 p.

15. *Lomako L.L., Maltsev K.G.* Categorization, framing, discursive formation: on the question of how to interpret the nation and the national in the horizon of the order of sovereign nation-states // *Kant*. 2020. No. 3 (36). Pp. 145–156.
16. *Lomako L.L., Maltsev K.G.* Constructivist paradigm in the study of nation, nationalism, ethno-national conflict: some critical remarks // *Eurasian Law Journal*. 2020. No. 8 (147). Pp. 430–434.
17. *Maltsev K.G.* The concept of political and world disorder: perspectives of harmony, war and global imperial order: a monograph. Book 1 // The global perspective and the nation-state of a sovereign people in the economic paradigm of the political / KG. Maltsev, A.L. Alaverdyan, L.L. Lomako, A.V. Maltseva. Belgorod: Publishing house of BSTU, 2020. 727 p.
18. *Maltsev K.G., Alaverdyan A.L.* Actor-network theory in the study of nation and nationalism: methodological aspect // *Kant*. 2020. No 4 (37). Pp. 281–291.
19. *Maltsev K.G., Alaverdyan A.L.* Moral discourse of the nation and nationalism in the horizon of the liberal paradigm of the political // *Humanities and social sciences*, 2020. No. 6. Pp. 42–52.
20. *Maltsev K.G., Lomako L.L.* The crisis of the nation-state as a problem of socio-political philosophy // *Bulletin of the Leningrad State University*. A.S. Pushkin, 2020. No. 1. Pp. 55–64.
21. *Maltsev K.G., Maltseva A.V., Lomako L.L.* Globalization and Westernization: Horizons of «Identification» and «Discrimination» // *Socio-Political Science*. 2020. V. 10. No. 5. Pp. 106–114.
22. *Mann M.* Sources of social power in 4 volumes. Vol. 2, book 1–2: The Rise of Classes and Nation-States, 1760–1914. Moscow: Delo, 2018. 503-507 p.
23. *Pareto V.* Compendium of General Sociology. Moscow: Ed. Higher School of Economics Publishing House, 2008. 511 p.
24. *Sociology of things*. Collection of articles / Edited by V. Vakhshstein. Moscow: Publishing house «Territory of the future», 2006. 392 p.
25. *Heidegger M.* Prolegomena to the history of the concept of time. Tomsk: Aquarius, 1998. 384 p.
26. *Heidegger M.* Reflections XII–XV (Black Notebooks 1939–1941). Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2020. 344 p.

27. *Schmitt K.* State: Law and Politics. Moscow: Publishing House «Territory of the Future», 2013. 448 p.
28. *Schmitt K.* Spiritual and historical state of modern parliamentarism in K. Schmitt. The concept of the political. St Petersburg: Nauka, 2016. Pp. 93–170.
29. *Schmitt K.* Political theology in K. Schmitt. The concept of the political. St Petersburg: Nauka, 2016. Pp. 5–59.
30. *Yak B.* Nationalism and moral psychology of the community. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2017. 520 p.
31. *Rowls J.* Political Liberalism. New York: Columbia university press, 1996. 525 p.

29 мая 2021 г.
